

Доктор Роберт Ванной , Второзаконие , лекция 3

© 2011, доктор Роберт Ванной , доктор Перри Филлипс и Тед Хильдебрандт

Редакция, каноническая и риторическая критика

За пределами критики формы

На последнем уроке мы рассматривали пункт 2 в плане «Концессионный евангелизм». Сегодня днем я хочу вернуться к 1. с незадолго до этого и просмотреть раздаточный материал, который я также давал на последнем уроке. Я думаю, что я сделаю то, что мне не нравится, но ради экономии времени я собираюсь прочитать это вместе с вами и сделать несколько комментариев здесь и там. Это из того раздаточного материала, который я раздавал на последнем уроке. Это заголовок «За пределами формальной критики», и под ним есть три подпункта.

«В последние годы недовольство фрагментацией библейского текста, вызванной критикой источников и форм, привело к развитию множества новых подходов к анализу текста, которые больше фокусируются на единстве его нынешней формы, чем на истории. своего развития». Теперь, если вы на минутку вспомните историю анализа текста, которую мы рассматривали, сейчас нас больше всего интересуют документальные источники. С помощью критики формы мы пытаемся выйти за рамки этих источников и обратиться к отдельным единицам, объединенным в источниках.

«Тенденция критики как источника, так и формы состоит в том, чтобы фрагментировать текст, и если вы посмотрите на литературу, дошедшую до такой крайности, то это становится очень утомительной работой, не дающей большого количества положительных результатов. За последние 15 лет или около того возникла реакция на подобную работу, и теперь интерес больше к окончательной форме текста. Это не обязательно означает, что вся эта другая работа незаконна *сама по себе* . Я не отрицаю методологию, а говорю: ну, давайте посмотрим на окончательную форму текста, а не сосредоточим все

наше внимание на всех этих предварительных сведениях и на том, что в конечном итоге привело к окончательной форме. Итак, за последнее десятилетие или около того мы стали свидетелями роста тесно связанных методологий редакционной критики, канонической критики и того, что за неимением лучшего названия я назову «литературным подходом» к тексту Ветхого Завета.

1. Критика редакции

Итак, первая редакционная критика. Что мы сделаем, так это просто рассмотрим эти три категории подходов и попытаемся получить хоть какое-то представление о том, о чем идет речь. Критика редакции: корни этого движения лежат в творчестве Мартина Нота . и Герхарда фон Рада, но имел тенденцию выходить далеко за их рамки, сосредоточив внимание на окончательной форме текста. И литературная критика, и критика формы имели тенденцию дробить текст либо на документальные направления, либо на независимые литературные единицы. Литературоведы с самого начала говорили о редакторах (мы об этом говорили, источники трудно совмещать), «которые отвечали за объединение литературных направлений в нынешний вид. Этим редакторам, однако, уделялось мало или совсем не уделялось внимания, поскольку основное внимание уделялось выделению литературных документов или независимых сюжетных единиц, с которыми работали эти анонимные редакторы. В вашей библиографии внизу второй страницы отмечена книга Дж. Бартона « *Метод Ветхого Завета и изучение Библии* ». Если вы хотите получить недавний обзор всех этих методологий, то книга Бартона — хорошая книга для чтения, хотя Бартон не представляет вам этот обзор на евангелической, консервативной основе. Большую часть этих методологий он использует сам и не видит в них ничего плохого. Но он прослеживает историю методологического подхода к чтению Ветхого Завета. Как говорит Бартон на странице 45: «Вероятно, считалось, что

редакторы вряд ли могли быть людьми большой оригинальности или даже интеллекта, иначе они лучше выполняли бы свою работу и не допускали бы красноречивых следов непоследовательности и извилистая повествовательная тенденция, которая позволила современной науке реконструировать сырье, с которым они применяли свое утомительное ремесло».

Но, как давно заметил Франц Розенсвайт , «R», символ редакторов, следует рассматривать как обозначение *Рабену* , еврейского термина, означающего «наш господин», поскольку именно от редактора мы получаем Священные Писания. И посмотрите, если вы признаете их теории, то это действительно правда : именно редактор придал Писанию такую форму, какая у вас есть, и именно от редактора вы получаете Писание. Он становится вашим хозяином — редактором, а не только автором J, автором D, автором P или кем-то еще.

Это понимание отражено в стремлении Герхарда фон Рада выйти за рамки попытки объяснить незначительный рост библейского текста до его нынешней формы и заинтересовать тем, как редактор хотел, чтобы мы понимали текст в той форме, в которой он представлен. Видите, вы приближаетесь к окончательной форме. Хотя они и не отрицают легитимность всей этой предварительной работы, они сосредотачиваются на окончательной форме. Вот где мы получим оставшуюся значимость. Это развитие, безусловно, приветствуется в области библейских исследований, поскольку оно дает гораздо более положительные и полезные результаты, чем литературная и историческая критика прежних времен.

Бартон говорит, что с редакционной критикой мы приходим к тому, что студент, изучающий другую литературу, понимает под литературной критикой. Это попытка дать то, что иногда называют внимательным прочтением текста, анализируя, как автор/редактор достигает своих эффектов. Почему он так организует свой материал и, прежде всего, какие

приемы он использует, чтобы придать единицам бессвязность своей работы.

Однако во всем этом есть ирония. Э. Дж. Янг давно отметил, что существует единство полноты, которое документальная гипотеза не может удовлетворительно объяснить. Если бы первые пять книг Библии были составлены так, как того требует эта гипотеза, то трудно, если вообще возможно, понять, как результатом могло бы стать то единство, которое действительно демонстрирует Пятикнижие.

а. Опасность редакционной критики Бартона.   Бартон, стр. 56, на самом деле говорит об опасности редакционной критики, и это мне кажется очень интересным, подрывающим ее собственные основы. Выполняя то, что он называет библейской критикой, вызывающей черту, которую можно назвать «исчезающим редактором», он говорит (стр. 57): «Фокус заключается в следующем: чем более впечатляющим выглядит критик, тем больше он добивается успеха». в том, чтобы показать, что редактор тонким и тонким мастерством создал простой и связный текст из разнообразных материалов, находящихся перед ним. Тем больше он также уменьшает доказательства, на которых в первую очередь было установлено *существование этих источников*. Таким образом, если редакционная критика сыграет свою роль слишком уверенно, мы получим произведение настолько связное, что никакое разделение источников уже не будет оправдано, и источники и редактор исчезнут вместе в клубе дыма, оставив единый, свободно составленное повествование, без сомнения, принадлежит одному автору». Далее он говорит, что «нетрудно представить, что трюк, который мы только что описали, особенно дорог сердцам фундаменталистов, противников неконсервативной библейской критики. И в их руках оно вполне может стать удобным средством показать, что критики вооружены собственной петардой». Итак, это выражение, я не знаю, знаете ли вы о нем. Это означает, что он взорван собственной бомбой – или, если провести аналогию, когда

волшебный ящик, в котором находился редактор, открывается, не только редактор исчезает, но и сам Моисей занимает его место. Действительно, очень пугающая перспектива для любого более высокого критика.

Видите ли, это интересный поворот, который все принял. У вас есть вся эта первоисточники и критика форм, а потом появляется интерес к окончательной форме и интерес к редакторам, которые все это унифицировали, но как только вы начинаете слишком сильно подчеркивать редактора и единство вещей, вы Фактически, мы прошли полный круг: почему бы просто не позволить редактору быть автором? Да и зачем вообще говорить об источниках? Так что сейчас в литературной критике по этим вопросам происходят большие колебания. Но критиков редакции интересует конечный редактор и то, как он соединил все эти источники в своеобразное единство в окончательном виде текста. Этим критиков интересует окончательная форма, хотя большинство практиков редакционной критики не отвергают традиционные источники и формируют критику. Заметьте, я говорю «большинство».

б. Евангелисты и редакционная критика

Есть евангелисты, которые до такой степени увлеклись редакционной критикой, что не согласились бы со всеми выводами критики формы и источников, хотя большинство из них это делают. Хотя большинство практиков редакционной критики не отвергают традиционную критику источников, можно использовать этот метод законным и полезным способом как средство попытаться понять цель авторского выбора, расположения и представления своего материала. Я думаю, что в этом смысле можно сказать, что этот метод имеет некоторую легитимность. Например, почему в Евангелии от Матфея, в отличие от Евангелия от Луки, записаны определенные события? Почему их описывают определенным образом?

Знаете, часто еврейский характер Евангелия от Матфея противопоставляется греческому характеру Евангелия от Луки. Почему? Это разные аудитории? Это в каком-то смысле редакционная критика, потому что, видите ли, вы пытаетесь понять, почему он выбрал именно такой материал. Какова была цель этого? Почему он устроил это так, как устроил? Какова цель этого? Почему он представил это на том языке и словарном запасе, которые он сделал? Какова была цель этого? Все это связано с так называемой редакционной критикой.

в. Историческая достоверность все еще подорвана

Однако следует понимать, что в целом применение этого метода мало что сделало для повышения уверенности в исторической достоверности Ветхого Завета. Фактически, историческая достоверность серьезно подрывается, когда утверждается, как это часто бывает на практике, что редактор исказил исторический материал, чтобы изложить теологическую точку зрения. Часто именно это и говорят. Вот редактор, который больше заинтересован в изложении каких-то богословских замечаний, чем в представлении точных исторических фактов. Поэтому он будет искажать или манипулировать своими источниками информации, чтобы они вписывались в некую предвзятую богословскую схему. Видите ли, это довольно предположительно; вот его цель и вот что он сделал для ее достижения. Существует много работы, которая ведется под названием редакционная критика, которая проделывает подобные вещи с текстом.

д. Гандри о Мэтью, использующем редакционную критику

Обратите внимание на разногласия (это в Ветхом Завете) вокруг комментария к Матфею Роберта Х. Гандри, «*Матфей: комментарий к его литературному и богословскому искусству*», Гранд-Рапидс, Эрдманс, 1982, который использовал этот метод и пришел к выводу, что многие события

передаются в Евангелие от Матфея не следует воспринимать как историческое. Гандри подал в отставку под давлением Евангелического теологического общества в 1983 году, кажется, в 84-м. Об этом есть статья в журнале *«Христианство сегодня»* от 3 февраля 1984 года. Могу сказать, что члены Евангелического теологического общества каждый год, когда они платят членские взносы, подписывают заявление, в котором говорится, что они верят в безошибочность Священного Писания. Я не знаю, как именно это сформулировано, но, по сути, там так и говорится. Гандри продолжал это подписывать. Тем не менее, в своем комментарии он сказал, что, по его мнению, расположение материалов служит богословским целям, что действительно ставит под угрозу любую историческую достоверность.

Позвольте мне привести вам иллюстрацию: Гандри утверждал, что Мэтью свободно изменял истории, которые более исторически связаны с Лукой. Гандри говорит, например, что Матфей превратил полевых пастухов в мудрецов с Востока, потому что он хочет предвосхитить и подчеркнуть миссию Иисуса среди язычников. Он не верит, что Иисуса посетили мудрецы. Видите ли, на самом деле он говорит, что это две истории об одном и том же, и что мудрецы никогда на самом деле не посещали Иисуса, они были пастырями. Но видите ли, богословской цели Матфея лучше служили мудрецы, а не пастыри, поэтому Матфей манипулировал своими источниками таким образом. Я думаю, вы можете понять, почему он оказался под давлением и был вынужден уйти из ETS. [См. далее, если вам это интересно, статью «Редакционная критика: стоит ли рисковать?» Институт «Христианство сегодня», *«Христианство сегодня»*, 18 октября 1985 г., страницы 1–10 этого раздела журнала «Институт»; а затем Кеннет Канцер, «Редакционная критика: обращаться с осторожностью», Институт «Христианство сегодня», также в том же выпуске *«Христианство сегодня»*. Это две хорошие обзорные, популярные статьи, которые дают вам представление о том, как евангелисты боролись со всей этой областью

редакционной критики. Большинство евангелистов предоставят ему определенную степень легитимности, но не позволят ему дойти до крайностей, которые часто и обычно используются критически настроенными учеными в целом.]

е. Роджерс, МакКим и Безошибочность

Само *по себе* это не имеет ничего общего с редакционной критикой, но мы обсуждали всю эту проблему безошибочности на последнем уроке, и было задано несколько вопросов о книге Роджерса и МакКима, а также ряд других. Это всего лишь список последних книг и статей по вопросу безошибочности и использования литературно-критического метода изучения Священного Писания. Если вы заинтересованы в дальнейшем чтении в этой области, я думаю, вы сможете найти здесь полезный материал.

Прямо посередине листа находится книга Роджерса и МакКима, а рядом с ней — рецензия Джона Вудбриджа « Библейский авторитет: к оценке Роджерса и МакКима». *Trinity Journal* , 1980. Я бы сказал, что этот обзор Вудбриджа, а также книга Вудбриджа, указанная ниже на странице, и несколько статей Вудбриджа, вероятно, лучшее, что вы могли прочитать по некоторым из этих актуальных вопросов. на сегодняшний день. Хорошо, есть вопросы по критике редакции?

2. Каноническая критика и Б. Чайлдс (Йельский университет)

Перейдем к канонической критике. Каноническая критика тесно связана с редакционной критикой в своем методе литературного анализа. Однако важное отличие состоит в том, что сторонники канонической критики рассматривают Библию не просто как литературу, а скорее как Священное Писание. Бревард Чайлдс из Йельской школы богословия — отец и самый известный защитник канонической критики. Он написал «*Введение в Ветхий Завет как Священное Писание*» . Вот этот том. Это введение в

Ветхий Завет. Я думаю, название дает представление о произведении; Ветхий Завет как Священное Писание; это не только Ветхий Завет как древняя литература. Именно так часто относились к Ветхому Завету критики источников и критики формы. В этом томе он говорит, что хочет «серьезно отнестись к значению канона как решающего элемента в понимании Еврейских Писаний». Далее он говорит, что канонический подход направлен на понимание природы богословской формы текста, а не на восстановление первоначального литературного или эстетического единства.

Это означает, что основное внимание уделяется окончательной форме; это каноническая форма текста. Чайлдс говорит, что он хочет отдать должное целостности самого текста, помимо « диахронической реконструкции». Итак, диахроническая реконструкция — это попытка вернуться назад и выяснить, какие именно шаги были предприняты для того, чтобы текст принял его нынешнюю форму. Это диахроническая реконструкция. Термины диахронический и синхронистический — это термины, которые сейчас часто используются. Его больше интересует синхронистический аспект Писания в его окончательной форме, а не вся история его развития. Опять же, он не собирается полностью отрицать легитимность изучения всей этой истории, но его внимание сосредоточено не на этом.

Это, конечно, долгожданное изменение по сравнению с критической направленностью большей части научных исследований Ветхого Завета в прошлом веке. Из произведений Чайлдса можно почерпнуть много позитивного. Он не только написал это введение, он написал комментарий к Исходу и ряд других вещей. Читать Чайлдса во многих случаях можно с пользой, но читать его нужно очень внимательно, потому что он не относится к людям высокого взгляда на Писание, даже несмотря на то, что он говорит о канонической форме Писания и важности этого.

Тем не менее, Чайлдс не отвергает легитимность критического

анализа библейской литературы как исторической дисциплины, основанной на источниках. На странице 76 он говорит: «Цель настаивания на авторитете окончательной канонической формы состоит в том, чтобы защитить ее роль обеспечения этой важнейшей нормы. Работа с заключительным этапом текста заключается не в потере его исторического измерения, а, скорее, в вынесении критического богословского суждения относительно этого процесса. Измерение глубины помогает понять интерпретируемый текст и не функционирует независимо от него. Отличие яхвистского источника от Священнического и Пятикнижия часто позволяет переводчику неточно услышать объединенный текст.

«Но именно полный объединенный текст вынес суждение о форме традиции, которая продолжает пользоваться авторитетом в религиозном сообществе. Конечно, историкам Древнего Ближнего Востока законно и совершенно необходимо использовать в качестве письменных свидетельств иную манеру, часто читая его текст исковерканно, но его предприятие представляет собой иной порядок толкования Священного Писания, к которому мы стремимся. описывать.»

Теперь я думаю, что это заявление показательное, потому что я думаю, что здесь Чайлдс, и я читаю мое следующее заявление, как бы освежающе и полезно ни была его каноническая точка зрения по сравнению с традиционным источником и критикой формы, он не избегает впадения в дихотомию между историей и верой. Он говорит об этой диахронической реконструкции, это историческая дисциплина, которую он интересуется, богословская дисциплина, и сразу же разрывает эти две дисциплины. Таким образом, он не избегает дихотомии между историей и верой, между научным анализом и богословским значением, как это было в случае с фон Радом и другими до него. Фон Рад может продвинуть это дальше, чем Чайлдс, но у Чайлдса это все еще присутствует, потому что он все еще принимает эту веру, все еще принимает исторический критический метод, но вы много

услышите о канонической критике и все чаще увидите во многих евангелистских текстах. цитирование Чайлдса из-за его понимания многих вещей и его сосредоточенности на окончательной форме текста, которая, в конце концов, является тем же самым, на чем мы сосредотачиваемся: окончательной форме текста.

3. Риторическая критика и Роберт Альтер

Хорошо, в-третьих, литературный подход «риторической критики». Вы могли бы даже назвать это литературной критикой, но тогда эти термины становятся настолько запутанными, потому что литературная критика на протяжении многих лет использовалась совершенно по-разному или по-разному, поэтому этот литературный подход мы будем называть риторической критикой.

Точное определение этого литературного подхода затруднено из-за разнообразия последнего направления в анализе библейской литературы. Тем не менее, общий акцент явно предполагает смещение от преимущественно исторического интереса к анализу текста к преимущественно литературному. Двумя наиболее влиятельными книгами, написанными с этой точки зрения, являются книга Роберта Альтера «*Искусство библейского повествования*» в 1981 году и Джеймса Кугеля «*Идея библейской поэзии*» также в 1981 году.

Поскольку нас интересуют исторические сочинения Ветхого Завета, позвольте мне кратко изложить суть книги Альтера. Эта книга оказала большое влияние. В книге Роберта Альтера «*Искусство библейского повествования*» было использовано множество побочных эффектов и методов. В этой книге Альтер, профессор иврита и сравнительной литературы Калифорнийского университета в Беркли, выступает против критики традиционных литературных форм, хотя и не отвергает их легитимность и ценность. Он предлагает литературный анализ библейского

текста, который он определяет как «многообразии разновидностей тщательного внимания к искусному использованию языка, меняющейся игре идей, условностей, тонов, звука, образов, синтаксиса, повествовательной точки зрения, композиционных единиц». и многое другое. Другими словами, это тот вид дисциплинированного внимания, который посредством целого спектра критических подходов осветил, например, поэзию Данте, пьесы Шекспира и романы Толстого».

Вот это и есть литературная критика в традиционном понимании – попытка увидеть все эти риторические приемы и так далее, которые использует автор в тексте. И, конечно же, если вы проделываете подобные вещи с библейским материалом, вы сосредотачиваетесь на окончательной форме; вас не столько интересует, как она пришла к этой окончательной форме, сколько вы смотрите на характеристики литературы, как она представлена в Писании. К сожалению, развивая свой подход, он отвергает любое представление о том, что Библия является божественным откровением (стр. 20), и характеризует повествовательный материал Ветхого Завета как историзированную прозу. Он говорит: «То, что предлагает нам Библия, — это неравномерный континуум и постоянное переплетение реальных исторических деталей, особенно, но ни в коем случае не исключительно, для более поздних периодов, с чисто легендарной народной историей, случайными загадочными пережитками мифологических знаний, этиологическими рассказами, патриархальные вымыслы отцов-основателей нации, фалды героев, чудотворцев Божьих, очень похожие изобретения полностью вымышленных персонажей, привязанных к прогрессу национальной истории, и вымышленные версии известных исторических личностей. Все эти повествования представлены как история; то есть как события, которые действительно произошли и имеют значительные последствия для судьбы человека или Израиля» (конец цитаты, стр. 33).

Тем не менее, он говорит, что древние еврейские писатели стремились

использовать повествование, чтобы говорить о «осуществлении Божьих целей в исторических событиях». Художественная литература является основным средством достижения этой цели. Он говорит, что истории о Давиде могут иметь историческую основу, но, тем не менее, эти истории, строго говоря, не являются историографией, а скорее творческой реконструкцией истории талантливым писателем, который организует свои материалы по определенным тематическим направлениям и в соответствии со своей собственной замечательной психологической интуицией. персонажей. Автор рассказов о Давиде находится в таком же отношении к истории Израиля, как Шекспир в своих исторических пьесах относится к истории Англии. Итак, он говорит, что он играет с обоими этими терминами: историзированная художественная литература и беллетризованная история, и в зависимости от того, какое повествование он рассматривает, он делает упор на одном или другом: беллетризованной истории или историзированной фантастике. Но он не собирается говорить, что это написание истории в истинном смысле этого слова. Далее он предлагает различные точки зрения, с которых следует читать и анализировать прозу библейского повествования. Среди прочего он говорит о технике повторения, искусстве умалчивания (это своего рода пробелы в истории, которые вызывают удивление; определенная часть информации, которая не включена и как бы заставляет вас думать об истории), использование типовых сцен. Он часто говорит о всеведущей позиции библейских повествователей. Он говорит: «Возможно, самой отличительной особенностью роли рассказчика в библейских сказаниях является то, как сочетаются всеведение и навязчивость. Он все знает и к тому же совершенно надежен. Рассказчик все знает.

а. Всеведущий рассказчик   Итак, с точки зрения вдохновения у нас было бы определенное согласие с тем, что писатель имеет понимание вещей

по указанию Святого Духа, что он может знать вещи, которые обычный человек не знал бы. Это действительно не то, что он здесь говорит. Всеведущий рассказчик — это тот, кто создает историю, и он всеведущ просто потому, что именно он создал историю. Поэтому он может вселять мысли в умы людей и рассказывать вам, каковы они, потому что он писатель, а не потому, что его вдохновило такое понимание какой-то реальной исторической личности. И действительно, в книге, о которой я упомяну позже, человек по имени Лайл Эсслингер написал «*Царство Божье в кризисе: чтения из 1 Царств 1–12*»), и на протяжении всей своей книги он говорит о всеведущем рассказчике, как это делает Альтер. Всеведущий рассказчик в 1 Царств — это тот, кто создает не только истории, которые он рассказывает, и сюжеты, которые включены в эти истории, и персонажей... Он создает персонажей, и одним из персонажей является Яхве. В анализе Эсслингера Первой книги Царств всеведущий рассказчик создает Яхве, как любой писатель говорил бы о любом языческом божестве и сочинял бы историю. Итак, видите, вы действительно находитесь в совершенно другом мире мыслей, когда говорите о всеведущем рассказчике, чем мы, когда говорим о вдохновенном писателе, даже несмотря на то, что этот вдохновленный писатель может иметь элемент всеведения благодаря работе Святого Духа. Вы не хотите, чтобы вас это смущало.

Черта всеведущего рассказчика проявляется в рассказах. Например, как и в случае с Эсслингером с Самуилом, если вы посмотрите первую главу книги Самуила, у родителей Анны не было ребенка, а в стихе 5 в главе 1 Первой книги Самуила говорится, что Господь закрыл ее утробу. Теперь посмотрите, говорит всеведущий рассказчик. Господь закрыл ее утробу. Кто может знать, что Господь затворил утробу ее? Что ж, всеведущий рассказчик обладает такой проницательностью. Конечно, он создал эту историю. Это настоящая литература, не историческая, но обязательно правдивая. Эсслингера просто не интересует, что на самом деле произошло в тот период

перехода от Судей к Царям, который является временем царствования Бога и кризиса. На самом деле его не так уж интересует то, что на самом деле произошло исторически. Его интересует сюжет и приемы повествования рассказчика, рассказчика, передавшего нам эти материалы. Он придумывает невероятный заговор, который действительно помогает Давиду и Самуилу стать манипуляторами и обманщиками, которые обманули и сказали Саулу и народу принять Саула как царя. Объяснение того, как он это извлек из этих рассказов, займет слишком много времени. Но, видите ли, он так далек и так далек от того, что на самом деле говорилось в этих повествованиях, а также от того, что на самом деле происходило исторически. Его не очень интересует то, что произошло исторически. Ему интересно проанализировать это как литературное произведение и попытаться понять методы, приемы, точку зрения автора и так далее.

Пожалуй, самой отличительной чертой роли рассказчика в библейских сказаниях является то, как сочетаются всеведение и ненавязчивость. Он все знает и к тому же совершенно надежен. Эссингер также обращает внимание на использование ключевых слов при разработке тематических аргументов. После анализа истории Иосифа в книге Бытия он говорит: «Совершенное мастерство этой истории предполагает тщательно продуманное и изобретательное использование большинства основных приемов библейского повествования, которые мы рассматривали в ходе этого исследования: использование тематических ключевых слова, повторение мотивов, тонкое определение характера, отношений и мотивов, главным образом посредством диалога, эксплуатация, особенно в диалоге, и дословные повторы с небольшими, но значительными изменениями, избирательные переходы рассказчика от стратегического и наводящего на размышления воздержания от комментариев к случайным выставление напоказ всеведущего обзора, использование точек монтажа источников для уловления многогранности вымышленного сюжета».

б. Другая риторическая критика

Теперь, такого рода анализ библейских повествовательных материалов в последние годы получает все большее распространение, и имена этих людей известны: Адель Берлин, *Поэтическая интерпретация библейского повествования*, 1983. Лайл Эсслингер, эта книга *«Царство Бога и кризис»*, 1985. Дж. П. Фоккельман, *«Нарративное искусство и поэзия в книгах Самуила»*, 1981. Э.М. Ганн, две книги, *«История царя Давида, жанр и интерпретация»*, 1978, и *«Судьба царя Саула»*, 1980. П. Мишкаль *«Литературное чтение Самуэля»*, 1986 г. Меир Штернберг, *«Поэтика библейского повествования»*, 1985 г., среди наиболее выдающихся. Это лишь краткий список, но вы можете увидеть, какой материал выходит, и весь он за последние пять лет. Это совершенно новый взгляд на риторические особенности, можно сказать, наподобие библейского повествования.

Выводы, полученные в результате этих исследований, по большей части являются долгожданным изменением по сравнению с суровыми результатами старых критических методологий. В ряде исследований использовался анализ сюжета и дискурса, чтобы опровергнуть давно существовавшие критические подразделения текста на изначально отдельные документы. Видите ли, это еще раз подчеркивает единство повествования. Вы видите приемы автора в составлении своего рассказа.

в. Евангелисты и риторическая критика. Среди евангелистов, использующих этот метод, см. вашу библиографию, Longacre and Wenham. Лонгакр, третья страница, две трети вниз, работа «Иосиф, исследование божественного провидения, теория текста и лингвистика текста, анализ Бытия 37 и 39–48». Это еще не опубликовано, но должно быть выпущено в течение нескольких месяцев издательством Eisenbrauns в Индиане. Лонгакр, однако, написал «Кто продал Иосифа в Египет» в книге, которую мы с

Харрисом редактировали в честь доктора Макрея и опубликованной пару лет назад, или год назад, в 1986 году, «Кто продал Иосифа в Египет». Здесь он использует такой подход, чтобы показать, что анализ документальных источников истории Джозефа на самом деле не выдерживает критики. Видите ли, в этих источниках есть единство, которое скрепляет все вместе, и для того, чтобы это показать, действительно используется такой метод. Уэнам, который находится на следующей странице, 4, третья запись. Уэнам, «Связность повествования о потопе», 1978, использует такой подход, чтобы показать на примере истории о Ное о потопе, 6-9 главы Бытия, которые также традиционно были разделены на J и разделены на части, представляют собой единство, которое опровергает такое критическое разделение источников. Вот некоторые примеры среди евангелистов, использующих этот метод.

д. Неевангелисты поддерживают единство текста против критики источников. Аналогичное противодействие критике источников со стороны неевангелистов, и это интересно, см. в книге Лайла Эсслингера, о которой я упоминал ранее, в которой, как вы знаете, нет высокого взгляда на Писание; наоборот. Тем не менее, он утверждает, несмотря на последовательное согласие ученых-критиков, что Царств 1-12 представляют собой единство, литературное единство, а не ряд источников. Так что это интересно. Вы можете использовать некоторые из его идей, не покупаясь на весь его подход. См. Лайл Эсслингер, который выступает за литературное единство в 1 Царств 1–12.

См. также Кит Кавада и Куинн в вашей библиографии, стр. 3, примерно в середине страницы: *До того, как был Авраам: Единство Бытия 1-11*; вот эта маленькая книжка. Посредством такого рода литературно-риторического анализа он доказывает единство Бытия 1-11 по литературным особенностям. Он не спорит об историчности. Его это не интересует. Но он

выступает за единство.

Слова большинства неевангелистов, придерживающихся литературного подхода, сильно страдают от отрицания библейской историчности. А временами, особенно у Фокельмана, который указан на странице 3 вашей библиографии, впадают в такие излишества в поисках повествовательных приемов, что кажется, что многие из обнаруженных, как говорят, структур следует приписать скорее воображению аналитику, чем к качествам, присущим самому повествованию. Кое-что из этого действительно сбивает с толку. В одной рецензии на книгу Фокельмана говорится: «Вполне могут быть некоторые показательные повествовательные закономерности, но выделить их из трясины мелочей практически невозможно. Большую часть времени мне напоминал комментарий доктора Джонсона о критике Шекспира о том, что он не только объяснил то, что ни один человек никогда не считал нуждающимся в объяснении, но, более того, он объяснил это неправильно».

Нет консенсуса

Сегодня консенсуса, я бы сказал, нет. Есть просто очень много разных направлений, в которых идут разные люди. Определенно, появился новый акцент на этом риторическом виде критики, литературном подходе, особенно с повествовательными материалами; это очень важно. Именно это, похоже, сейчас вызывает больше всего публикаций и интереса, но среди неевангелистов. Евангелисты мало что с этим сделали, немного было, но среди неевангелистов, и это обычно сочетается с полным отрицанием историчности.

Кроме того, среди некоторых людей, вовлеченных в это, существует антагонизм по отношению к критическому подходу к источнику. Идут споры о том, что некоторые из этих людей хотят сохранить легитимность всех этих критически важных материалов и работать с окончательной формой, не

отрицая легитимности. Другие люди хотят сказать, что все эти критические для источника и формы вещи на самом деле не являются подходом к этому. Просто нет консенсуса, но много дискуссий.

«Структурализм» мог бы стать побочным продуктом этого последнего литературного подхода, который становится гораздо более сложным и философски вовлеченным в динамику языка, и я недостаточно знаю о структурализме, чтобы говорить о нем разумно, но мы поместим его под это определение. категория.

Вопрос: Рассматриваются ли другие религиозные писания так же, как Библия?

Ответ: Я бы так подумал, но, знаете, мой опыт связан с кругами людей, интересующихся Библией, и я живу в западной цивилизации, которая в основном является иудео-христианской. Если бы я жил в арабском мире на Ближнем Востоке или если бы вы жили на Дальнем Востоке, мы могли бы знать, какой литературный анализ, скажем, Корана или Конфуция, или что-то еще происходит. Не знаю, но подозреваю, что Библию критикуют гораздо больше, чем другие произведения.

Я не думаю, что вы могли бы сказать, что существует какое-либо другое литературное произведение — если вы просто посмотрите на него как на литературное произведение — я не думаю, что существует какое-либо другое литературное произведение, которое оказало бы такое воздействие и влияние на мировую культуру, как это имеет Библия. Теперь, если вы думаете о Шекспире, кто-то вроде него имеет определенное влияние, но далеко не такое влияние, как Священные Писания. Конечно, это не просто литература; и даже если вы отстранитесь и посмотрите на это с светской точки зрения, это религиозная литература, так что вы ввели в дискуссию целое третье измерение религии. Я думаю, дело в том, что нельзя смотреть на Библию просто как на литературу. Библия — это литература, но это нечто большее, потому что Бог говорил в ней и через нее, и это деликатная работа.

К.С. Льюис, историко-литературные обозреватели, упускающие это из виду

Давайте поговорим еще немного об истории написания Ветхого Завета. Позвольте мне начать с этого; у нас есть еще несколько минут. Может быть, прежде чем я это сделаю, позвольте мне поделиться этим с вами, тогда я остановлюсь на этом. Вся эта область литературной критики – незадолго до того, как я пришел в класс, я пытался приложить руку к статье, написанной К.С. Льюисом, которая, как мне казалось, была в журнале «*Христианство сегодня*», может быть, еще в конце 50-х годов, с темой жизни, которую я всегда находил полезной. К.С. Льюис говорит, что многие люди писали рецензии на его книги и делали определенные предположения относительно обстоятельств, при которых он писал: что побудило его сделать это, вы знаете, все эти предположения. Возможно, вы знаете, что он рассматривал эту проблему. Он говорит: «Критики «*Пирса Плаумана* и «*Королевы фей*» строят гигантские построения об истории этих композиций. Конечно, мы все должны признать подобные конструкции предположительными. А что касается догадок, вы можете спросить: разве некоторые из них не вероятны? Возможно, так оно и есть. Но опыт рассмотрения снизил мою оценку их вероятности. Потому что, когда вы начинаете с изучения фактов, вы обнаруживаете, что конструкции очень часто совершенно неверны. Судя по всему, шансы на то, что они правы, невелики, даже если они сделаны по вполне разумным принципам. Конечно, я не забываю, что рецензент совершенно справедливо посвятил моей книге меньше исследований, чем ученый — Ленгленду или Спенсеру. Но я должен был ожидать, что это будет компенсировано другими преимуществами, которые есть у него и которых нет у ученого. Ведь он живет в ту же эпоху, что и я, подвержен тем же течениям вкусов и мнений, получил такое же образование. Он едва ли может не знать — рецензенты хорошо разбираются в подобных вещах и интересуются ими — довольно многое о моем

поколении, моем периоде и кругах, в которых я, вероятно, вращаюсь. У нас с ним могут быть общие знакомые. Несомненно, он, по крайней мере, имеет такие же возможности гадать обо мне, как любой ученый может гадать о мертвых. Однако он редко угадывает правильно.

Следовательно, я не могу сопротивляться убеждению, что подобные догадки о мертвых кажутся правдоподобными только потому, что мертвых нет, чтобы их опровергнуть; и что пятиминутный разговор с настоящим Спенсером и настоящим Ленглендом может разнести всю трудоемкую ткань вдребезги. И заметьте, что во всех этих предположениях ошибка рецензента была совершенно необоснованной. Он пренебрегал тем, за что ему платят, и, возможно, мог бы сделать, чтобы сделать что-то другое. Его делом было давать информацию о книге и выносить о ней суждения. Эти догадки о его истории совершенно не соответствуют действительности. И в этом отношении я совершенно уверен, что пишу беспристрастно. Воображаемые истории, написанные о моих книгах, далеко не всегда оскорбительны. Иногда они даже бесплатные. Ничего против них нет, за исключением того, что они не соответствуют действительности, а если бы они были правдой, это было бы совершенно неважно».

Я думаю, что он хочет сказать, что если литературные критики не смогут с помощью своих гипотетических реконструировать то, что происходило, что повлияло на него при написании книги и как это произошло, если они не могут это сделать. Это точно во времена Льюиса, как вы можете сделать это для кого-то, кто жил 100 лет назад, или 1000 лет назад, 3000 лет назад, и делать это с какой-либо уверенностью, что то, что вы говорите, на самом деле так, как все было. Это становится настолько спекулятивным. Я думаю, что просто, знаете ли, 90-95% такого рода работ именно такие. Это крайне умозрительно и гипотетически.

Транскрипция: Мэтт Петрик , Бретт Олсен, Бен Сеннинг , Эллисон Чапонис , Сара Бойд
и редактор Эбигейл Сирлз
Черновой монтаж под редакцией Теда Хильдебрандта
Окончательная редакция доктора Перри Филлипса.
Пересказ доктора Перри Филлипса